

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ III

Разъединение и различие в
глобальной культурной экономике

Цель: рассмотреть взгляд Арджуны Аппадураи на глобальную культуру и обусловленность ею современных отношений между нациями и государствами.

Ключевые слова: глобальная культура, этнопространство, медиапространство, технопостранство, финансовое пространство, пространство идей, государство, нация, детерриториализация.

Джулия Ривкин и Майкл Райан, составители антологии «Теория литературы», предлагают ознакомиться со взглядом профессора средств массовой информации, культуры и образования Нью-Йоркского университета Арджуны Аппадураи на глобальную культуру. Идеи, изложенные в эссе «Разъединение и различие в глобальной культурной экономике», были высказаны ученым в 1990 году, но они продолжают оставаться актуальными и сегодня.

По словам Арджуны Аппадураи, современная глобальная культура характеризуется понятием «разрыва». Явления теряют прежние связи и объединяются новыми способами, отрываются от традиционных корней, таких, как региональная география и этническая идентичность, а индивидуальные жизни подвергаются сложному влиянию и формируются посредством СМИ, культуры и финансов.

Центральной проблемой сегодняшних глобальных взаимодействий является противоречие между культурной однородностью (гомогенизацией) и культурной разнородностью (гетерогенизацией). Процесс однородности или унификации подразделяется на американизацию и «коммерциализацию», однако часто эти два аспекта тесно связаны. При этом, отмечает Аппадураи, существуют иные риски для ассимиляции. Например, для народа Западного Папуа индонезийство может быть более тревожным фактором, чем американизация, как и японизация для корейцев, индонизация для Шри-Ланки, вьетнамизация для камбоджийцев. Этот список альтернативных американизации рисков мог бы быть значительно шире: для явления меньшего масштаба всегда существует страх культурного поглощения со стороны более крупных масс, особенно тех, которые находятся в географической близости.

Эта масштабная динамика, которая имеет широко распространенные глобальные проявления, также связана с отношениями между нациями и государствами. Упрощение этих многих влияний (и рисков) унификации и поглощения также может быть использовано национальными государствами по отношению к их собственным меньшинствам, создавая глобальный разрыв, более «реальный», чем угроза его собственных гегемонистских стратегий.

Новая глобальная культурная экономика – это сложная, пересекающаяся, многоуровневая система, которая больше не может быть понята с точки зрения существующих моделей центра-периферии (даже тех, которые могут учитывать многочисленные центры и периферии). Она также не подвержена простым моделям толчка и тяги (с точки зрения теории миграции) или излишков и дефицитов (как в традиционных моделях торгового баланса), или потребителей и производителей (как в большинстве нео-марксистских теорий развития). Сложность нынешней глобальной экономики связана с некоторыми фундаментальными разрывами между экономикой, культурой и политикой, которые только теперь стали предметом осмысления.

Пять «китов» глобализации

Аппадураи предлагает рассматривать элементарную структуру «разрывов» через взаимосвязь между пятью измерениями глобального культурного потока:

1. Этнопространство.
2. Медиапространство.
3. Технопостранство.
4. Финансовое пространство.
5. Пространство идей.

Он использует термин «пространство», чтобы указать, что они не являются конструкциями с объективно заданными неизменными отношениями, а способны развиваться в зависимости

от исторических, лингвистических и политических факторов и под воздействием различных субъектов: национальные государства, транснациональные корпорации, диаспоральные сообщества, а также субнациональные группировки и движения (будь то религиозные, политические или экономические) и даже такие группы, как деревни, кварталы и семьи.

Этнопространство

Под «этнопространством» Аппадурои подразумевает группы людей, которые составляют меняющийся мир: туристы, иммигранты, беженцы, ссыльные, гастарбайтеры и другие движущиеся группы. Эти люди составляют неотъемлемую часть современного мира и, по-видимому, очень сильно влияют на политику и отношения между народами.

Это не означает, что нигде нет относительно стабильных сообществ, например, связанных родством, дружбой, работой, общими интересами, а также родовых, земляческих и других форм объединения. Аппадурои подчеркивает, что основа этой стабильности всюду нарушается перемещениями людей, так как все больше людей и групп изъявляют готовность к смене места проживания или живут мечтами о переезде. Более того, эти реалии и эти фантазии сегодня стали более масштабны, так как люди из индийской деревни думают не только о переезде в Пуну или Мадрас, но и о переезде в Дубай и Хьюстон, а беженцев из Шри-Ланки привлекает как Южная Индия, так и Канада и т. д.

Технопространство

Под «технопространством» Аппадурои понимает глобальную конфигурацию технологических процессов и тот факт, что технология, как высокая, так и низкая (или простая), как механическая, так и информационная, сегодня движется с высокой скоростью, преодолевая ранее непроницаемые границы.

Многие страны сейчас являются основателями или базами многонациональных предприятий: огромный сталелитейный комплекс в Ливии может включать в себя интересы Индии, Китая, России и Японии, представляя различные компоненты новых технологических конфигураций. Необычное распределение технологий и, следовательно, особенности этих технопространств все чаще определяются не очевидным масштабом экономики, политического контроля или рыночной рациональности, а все более сложными отношениями между денежными потоками, политическими возможностями и наличием как неквалифицированной, так и высококвалифицированной рабочей силы.

Таким образом, в то время как Индия экспортирует официантов и шоферов в Дубай и Шарджу, она также экспортирует инженеров-программистов в Соединенные Штаты, при этом индийцы отмывают средства через Государственный департамент, чтобы стать богатыми «жителями-иностранцами», которые, в свою очередь, инвестируют свои деньги и ноу-хау в федеральные и государственные проекты в Индии. Глобальную экономику, конечно, можно по-прежнему описывать с точки зрения традиционных «показателей» (как это делает Всемирный банк) и изучать с точки зрения традиционных сравнений (как в Project Link Университета Пенсильвании), но сложные технопространства (и смещение этнопространств), которые лежат в основе этих «показателей» и «сравнений» еще больше недоступны «королеве социальных наук», чем когда-либо прежде.

Как можно провести объективное сравнение заработной платы в Японии и Соединенных Штатах или стоимость недвижимости в Нью-Йорке и Токио, не учитывая сложного финансового и инвестиционного потоков, которые связывают две экономики через глобальную сеть валютной спекуляции и передачи капитала?

Финансовое пространство

Таким образом, имеет смысл говорить о «финансовом пространстве», поскольку теперь характер мирового капитала становится более загадочным, быстрым и трудным полем, чем когда-либо прежде, т. к. валютные рынки, национальные фондовые биржи и товарные спекуляции перемещают мега-деньги через национальные турникеты со скоростью света со значительным имплицитным эффектом даже при небольшой разнице в процентах и в краткий период времени (их оборота).

Но проблема состоит в том, что глобальная взаимосвязь между этно-, техно- и финансовыми пространствами глубоко разорвана и непредсказуема, поскольку каждое из этих пространств подчиняется своим собственным механизмам, ограничениям и стимулам (политическим, информационным и техно-экологическим), и в то же время любое действие в каждом из них оказывается сдерживающим фактором и поводом для изменений в других пространствах.

Таким образом, даже элементарная модель глобальной политэкономии должна учитывать меняющуюся взаимосвязь между перспективами перемещения людей, технологическими потоками и финансовыми трансфертами.

Медиапространство

Термин «медиапространства», согласно Аппадурай, относится, во-первых, к распределению электронных возможностей для производства и распространения информации (это газеты, журналы, телевизионные станции, кинопроизводства и т. д.), которые теперь доступны для постоянно увеличивающегося количества заинтересованных частных лиц и общественности по всему миру; и, второе, к формированию у потребителей образа мира, создаваемого этими СМИ.

Эти образы мира связаны со множеством сложных преломлений в зависимости от вида СМИ (документального или развлекательного), их аппаратного обеспечения (электронного, на бумажном носителе или телевидение), их аудиторий (местных, национальных или транснациональных) и, в конечном итоге, интересов тех, кто владеет данными СМИ и контролирует их. Что особенно важно в этих медиапространствах, так это то, что они предоставляют для зрителей во всем мире большой и сложный ассортимент изображений, повествований и «этнопространств», в которых мир товаров, мир «новостей» и политика глубоко перемешаны. Это означает, что многие зрители во всем мире воспринимают СМИ как сложный и взаимосвязанный репертуар печатных ресурсов, кинопродукции, электронных экранов и рекламных щитов. Границы между реалистичными и вымышленными картинками, которые они видят, размыты, так что, чем дальше эти зрители проживают от центров и столиц, тем более вероятно, что они будут жить в мире иллюзий и представлять некие «воображаемые миры», которые являются химерическими, художественными, даже фантастическими объектами.

«Медиапространства» представляют для потребителей ряд элементов, формирующих сценарии из воображаемых жизней, их собственных, а также других людей, живущих в других местах. Эти сценарии помогают составлять представления о «Других» и первичные контуры возможного другого образа жизни, т. е. фантазии, которые становятся основой для желания приобрести рекламируемый товар или переехать.

Пространство идей

Наконец, «пространство идей» – это также связка образов-идей или идеологем, которые часто являются политическими и представляют сложные отношения между идеологиями государств и контр-идеологиями оппозиционных движений, ориентированных на получение государственной власти или ее части. Эти пространства идей состоят из элементов

мировоззрения Просвещения, т. е. таких идей, как «свобода», «благополучие», «права», «суверенитет», «представительство» и «демократия». Здесь следует сказать об использовании этих слов в политических нарративах в разных частях мира. Они затрагивают проблемы как семантического, так и прагматического характера. Проблема семантики существует до тех пор, пока слова (и их лексические эквиваленты) требуют тщательного перевода из контекста в контекст; а прагматический аспект заключается в использовании этих слов политическими субъектами. Например, в то время, как индийская аудитория может быть восприимчива к политической речи с ключевыми словами и фразами, используемыми в киноиндустрии, корейская аудитория может реагировать на тонкие кодировки буддийской или нео-конфуцианской риторической стратегии, включенной в политический документ. Так, слово «демократия» явно стало основным термином с отголосками от Гаити и Польши до Советского Союза и Китая (напомню, что данная работа была написана в 1990 году), но в то же время этот термин находится в центре множества пространств идей. Это создает все новые терминологические калейдоскопы, поскольку государства (и группы, которые стремятся к власти), чьи этнопространства находятся в движении и чьи медиапространства могут создавать серьезные проблемы для пространств идей, стремятся вызвать доверие населения, в том числе эксплуатацией проверенных временем лозунгов. Гибкость пространств идей осложняется, в частности, растущими диаспорами интеллектуалов, которые постоянно вводят новые смысловые потоки в дискурс демократии в разных частях мира.

Детерриториализация

Следующий фактор, о котором говорит Аппадураи, – это детерриториализация, которая, на его взгляд, является одним из центральных детерминантов современного мира, поскольку обеспечивает трудовые ресурсы в виде эмигрантов, пополняющих низшие социальные слои богатых стран. Детерриториализация лежит в основе целого ряда глобальных фундаментализмов, в том числе исламского и индуистского.

В то же время детерриториализация создает новые рынки для кинокомпаний и туристических агентств, которые используют потребность детерриторизированного населения в контактах с родиной. Этот большей частью созданный ностальгией и существующий в воображении образ родины составляет часть медиапространства для детерриторизированных групп. Образ некогда оставленной родины часто бывает достаточно вымышленным, далеким от реальности и односторонним (идеализированным), он становится материалом для нового пространства идей, которые могут стать основой для этнических конфликтов. Одним из таких примеров является «Халистан», «воссозданная» родина детерриторизированного сикхского населения Англии, Канады и Соединенных Штатов.

Теория детерриториализации также может быть применена к деньгам и финансам, поскольку держатели денег ищут лучшие рынки для своих инвестиций независимо от национальных границ. В свою очередь, эти движения денег являются основой новых видов конфликтов. Так, например, жители Лос-Анджелеса обеспокоены тем, что японцы скупают их город, а бомбейцы беспокоятся о богатых арабах из стран Персидского залива, которые существенно изменили в Бомбее профиль отелей, ресторанов и других услуг, так же, как они делают это в Лондоне. Тем не менее, большинство жителей Бомбея неоднозначно относятся к присутствию арабов, т. е. не обязательно критически, поскольку их друзья и родственники зарабатывают большие деньги на Ближнем Востоке, и эти деньги возвращаются в виде предметов роскоши в Бомбей и другие города Индии.

Это благодатная почва для детерриториализации, в которую вовлечены деньги, товары и люди по всему миру, а медиапространства и пространства идей отражают их раздробленность и фрагментарность. Идеи и образы, воспроизводимые массмедиа, часто являются лишь предвзятыми источниками о товарах или опыте (проживания), которые детерриторизированное население передает друг другу.

В качестве примера Аппадураи приводит фильм Майры Наир «Кабаре Индии», в котором распространение кабаре-клубов и порнографической киноиндустрии в Керале объясняется

вкусами и потребностями «новых» керальцев. Новые керальцы живут и работают на Ближнем Востоке, где их диаспора проживет вдали от женщин, что искажает суть отношений между мужчинами и женщинами. Эти трагедии перемещения, отмечает А. Аппадурай, можно было бы воспроизвести при более детальном анализе отношений между японскими и немецкими секс-турами в Таиланде и трагедиях секс-торговли в Бангкоке.

Говоря о разрывной глобальной экономике культуры, А. Аппадурай считает необходимым упомянуть о роли национального государства. Можно сказать, что во многих обществах нация и государство стали проектами друг друга. В то время как нации стремятся кооптировать государство и государственную власть, государства стремятся захватить и монополизировать идею о государственности. В целом, сепаратистские, транснациональные движения, в том числе те, которые включают в свои методы террор, иллюстрируют состояние нации в поиске идеального государства. С другой стороны, государства везде стремятся монополизировать моральные ресурсы сообщества, либо настойчиво заявляя о безупречном сосуществовании нации и государства, либо представляя все группы населения в рамках целостной политики.

При этом государства, отмечает Аппадурай, вынуждены оставаться «открытыми» посредством СМИ, технологий и путешествий, что подпитывает потребительскую культуру во всем мире и увеличивает стремление к новым товарам и идеям даже в незападном мире. С другой стороны, эти самые стремления могут стать основой для образования новых этнопространств, медиапространств и, в конечном итоге, пространств идей, что государство рассматривает как угрозу своему собственному контролю над идеями государственности и народом.

Государства во всем мире, находясь на пересечении разрывов перечисленных пространств, оказываются в сложном положении, особенно там, где существуют (1) радикальный разрыв между пространством идей и технопространством (как в случае очень малых стран, которым не хватает современных технологий производства и информации); (2) или есть разрыв между пространством идей и финансовым пространством (как, например, в Мексике или Бразилии, где международное кредитование в значительной степени влияет на национальную политику); (3) или имеется разрыв между пространством идей и этнопространством (как в Бейруте, где диаспоральные, местные национальные и родовые элементы противостоят друг другу); (4) или обозначен разрыв между пространством идей и медиапространством (как во многих странах Ближнего Востока и Азии), где образ жизни, представленный как на национальном, так и на международном телевидении и в кино, полностью подавляет и подрывает риторику национальной политики (всплывающими строками в 4 фрагмента-абзаца).

Таким образом, полнота и объективность картины не будут достигнуты, если говорить о глобальных процессах в какой бы то ни было сфере без учета перечисленных Арджуной Аппадурай пространств, которые охватывают и пронизывают, обуславливают и воздействуют на все уровни функционирования государств, жизнедеятельности наций и отдельных людей, И, более того, нецелесообразно строить проекты и программы развития национального государства, региона вне перечисленных глобальных процессов.

Вопросы для закрепления темы:

1. Что Арджуна Аппадурай подразумевает под «разрывом» при характеристике глобальной культуры?
2. В чем недостаточность, на взгляд Арджуны Аппадурай, измерений в традиционных «показателях» Всемирного банка и традиционных сравнениях Project Link Пенсильванского Университета?
3. Какое влияние процесс детерриториализации оказывает на традиционное понимание нации и государства?

Литература:

1. Appadurai A. Global Ethnoscapes: Notes and Queries for a Transnational Anthropology. – Interventions: Anthropology of the Present, 1989.
2. Appadurai A. and Breckenridge, C.A. A Transnational Culture in the Making: The Asian Indian Diaspora in the United States. – London: Berg.
3. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – London: Verso, 1983.
4. Amin S. Class and Nation: Historically and in the Current Crisis. – New York and London: Monthly Review, 1980.